



Дорогами жизни

1. На фабрике

В мае 1909 года я окончил трёхклассную церковно-приходскую школу в селе Ям и как лучший ученик в награду получил книгу. Учёба давалась легко, что не прошло мимо внимания учителя Фёдора Александровича. Он дважды приходил к моим родителям и уговаривал отдать меня в гимназию, учиться на казённый счёт. Но родители категорически отказывались. И на то были причины.

Семья наша к тому времени разрослась и нуждалась в помощи старшего сына — меня. Родители рассуждали примерно так: читать и считать умеет, и пусть хоть сколько-нибудь да зарабатывает. Рассуждали из реальной обстановки. Земли у нас было мало, и дома делать мне было нечего.

Стали думать, куда определить. Предлагались разные варианты. Наконец, решили устроить на фабрику Товарищества Переславской мануфактуры — ныне фабрика «Красное эхо». Там всю жизнь проработал мой дедушка Иван Трофимович Трофимов. Дед был уже старым и постоянно жил в фабричном общежитии — «каморках». К нему-то и повёз меня отец.

Вдвоём с дедом мы направились к директору. Дед бухнулся ему в ноги, стал просить взять меня на работу. Приняли ставильщиком на прядильно-мюльные машины. Обязанности мои заключались в замене отработанных катушек ровницы полными. Иногда отвозить корзины с пряжей в подвал, где было всегда влажно, или сбегать в кубовую за кипятком. Учили и как присучать, то есть сращивать оборвавшиеся нити.

Жалованья полагалось пять рублей. Получать их за меня приходила мама, потому что было мне тогда лишь двенадцать лет. Правда, для нас, малолетних, существовала специально установленная «маленькая сменка» продолжительностью, кажется, шесть часов, а не девять, но и за это время выматывались до предела.

Первые два года я жил в общежитии вместе с дедушкой, в казарме, достопримечательностью которой был большой стол. У нас с дедом на двоих была железная кровать с соломенным матрацем, на ней мы и спали. Кроме нас, в казарме проживало ещё человек пятнадцать, а может, и двадцать, в том числе пенсионеры-старики и одиночки из дальних сёл и деревень.

Общежитие находилось на верхнем этаже двухэтажного корпуса, а на первом — стояла огромная печь с десятком заслонок. Топилась она круглые сутки. Возле неё всегда были люди. Одни готовили пищу, другие не спеша ели, собравшись семьёй за столом. В зимние вечера сюда собирались побалагурить, обменяться новостями, а то и просто погреться.

Были в корпусе и комнатёнки — каморки. В каждой проживала семья, независимо от количества детей. В тесовых щелястых перегородках обильно селились клопы и тараканы. Слышимость была такая, что у «каморовских» практически не было тайн друг от друга.

Питались рабочие скудно. Постные щи, пшённая каша да кринка молока с базара.

На фабрике работало много моих односельчан и из деревни Соловеново. Летом все предпочитали жить дома, а на фабрику и с работы ходили пешком. Зимой же дети и молодёжь, кому было по карману, снимали угол у частника. Когда дедушка, отработав своё, вернулся в село, мне стали снимать угол в маленьком домике на Куманинке. Хозяйками были две старые девы. По сравнению с казармами жильё это казалось барским, хотя кроме меня там

квартировали ещё несколько человек. Щи на всех варила хозяйка. Спали: хозяйка на печи, сестра хозяйки Груша и хромая девушка Поля — в небольшой комнатухе, «друг» хозяйки — на топчане, а я с приятелем Гришей — на полу. Посреди нас, вернее, между нами, спала года на два постарше девушка из далёкой деревни. Спали не раздеваясь, а в том, в чём ходили.

Лет четырнадцати я перешёл в большую смену. Наверное, и платить стали больше. Но жалованье по-прежнему за меня получала мама. Приезжала из села, в фабричной кассе ей выдавали причитающиеся мне деньги, и мы вдвоём шли в трактир попить чаю с баранками. Такие дни были для нас радостными и счастливыми, чуть ли не праздниками.

Рано или поздно настает пора человеку обзаводиться собственной семьёй. Ведь и в то время женились и выходили замуж. Жизнь есть жизнь. Но отпуск на свадьбу не полагался. Чтобы сыграть её, жених или невеста, а то и оба, нанимали себе сменщиков, уплачивая им по 50 копеек за смену. Обычно свадьбы играли в воскресенье. Но одного дня мало, требовалось три дня. Иногда нанимался и я. Однако надо было отрабатывать и свои три смены. И тогда рабочий день длился восемнадцать часов, не выходя из фабрики, с одной бутылкой молока и краюхой хлеба. Вот так доставались деньги на личные мелкие расходы.

Думаю, уместным будет сказать, что при выходе из фабрики всех рабочих обыскивали. Хотя что можно было унести, кроме шпульки или куфты пряжи? Уволить же могли по малейшему поводу, не спрашивая объяснений, и не только, например, за прогул, даже за опоздание. А устроиться в городе некуда. Так же было и на заводе Захряпина, фабрике Павлова, вышивальной мастерской. К слову, те крутые меры хотя и ставили рабочих в бесправное положение, но и дисциплинировали. На фабрике Товарищества Переславской мануфактуры я проработал шесть лет. Когда летом жил дома в селе Ям, чтобы успеть на утреннюю смену, вставал в три часа, и, тем не менее, ни разу ни на минуту не опоздал. А ведь «маленькая сменка» начиналась в четыре утра.

Тяжёлые условия труда, унижительное обращение администрации с рабочими привели в феврале 1914 года к забастовке, в которой участвовал и я. Было мне тогда пятнадцать лет, но помню её отлично. Она была первой после бурного 1905 года, имела далеко идущие последствия — подготовка к революции 1917 года. Главную роль в организации забастовки играли старые рабочие Пчёлкины, Лухотин и другие. Основные требования её сводились к установлению восьмичасового рабочего дня, повышению расценок и улучшению условий труда. Остановились машины, в цехах наступила тишина. Из Москвы приехали хозяева уговаривать забастовщиков приступить к работе, а из Владимира — жандармы. Начались аресты.

Чем кончилась забастовка, добились ли чего рабочие — сказать не могу, не помню. Знаю лишь, когда приступили к работе, были освобождены и арестованные.

Фабрика дала мне путёвку в большую жизнь. Научила уважать рабочего человека, ценить заработанную копейку. Теперь я старый генерал. Но по мировоззрению и самой жизни так и остался сыном рабочего класса. И горжусь этим.

(Газета надеялась дать продолжение, но не дала. — *Ред.*)